

О.М. Медушевская. Теория исторического познания: Избранные произведения / Сост. И.Л. Беленький. СПб.: Университетская книга, 2010. 572 с.

В книге выдающегося российского философа истории, историка и источниковеда О.М. Медушевской (1922–2007) представлены избранные труды по теории и методологии исторического познания, источниковедению, исторической географии и антропологии. Все они раскрывают формирование новой теоретической концепции истории как когнитивной науки¹. Отправной точкой складывания этой теории следует признать идею преодоления разрыва между естественными и гуманитарными науками, которая была сформулирована философами Баденской школы неокантианства В. Виндельбандом и Г. Риккертом в условиях кризиса традиционного позитивизма в конце XIX – начале XX в. и выражала стремление науки того времени к освобождению от механистических, бихевиристских трактовок общественных явлений. Речь шла, в частности, о том, что естествознание и историческая наука – совершенно разные области знания.

В конце XX в. такой подход нуждался в радикальном пересмотре. Этот пересмотр стал возможен на основе достижений научной мысли XX в. в таких областях, как поиск междисциплинарного синтеза; сравнительные исследования (поиск системных и структурных компонентов различных типов общества в истории и современности); внимание к феномену человека как единого целого в его взаимодействии с природой и обществом. Ключевой проблемой, требовавшей своего решения, стал вопрос о единстве научного знания, общих эпистемологических принципах гуманитарных и естественных областей современной науки.

Новый взгляд на эти проблемы был предложен Медушевской в рамках когнитивно-информационной теории и созданной на ее основе теории когнитивной истории. Утраченное единство восстанавливается в них тем, что найден общий объект, на который направлены исследовательские запросы наук о культуре и наук о природе: ни одна из них не обходится без источников целенаправленно

фиксированной информации о природных и культурных феноменах, которые наблюдает или преобразовывает человек в своей осознанной творческой деятельности. Таким образом, «точка пересечения наших исследовательских маршрутов обозначена: исторический источник» (с. 230). Принятие идеи об историческом источнике как основе понимания смысла человеческой деятельности и разработка методов реконструкции этого смысла на доказательном уровне стали фундаментом теории когнитивной истории. В рамках этой теории удается решить проблемы единства методов научного познания, доказательности такого познания в истории, реконструкции структуры информационного ресурса (структурно-функциональный подход и видовой принцип классификации в источниковедении и архивоведении).

В структуре рецензируемой книги отражены основные направления исследовательской и педагогической деятельности О.М. Медушевской. Раздел «Теория и методология истории» включает такие известные ее работы как «История в общей системе познания: смена парадигм», «Методология истории как строгой науки», «История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество». Раздел «Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания» представлен трудами, заложившими основы этой дисциплины: «Источниковедение: теория, история и метод», «Источники в науках о человеке», «Источниковедение и историография: индикатор системных изменений», а также работы по истории становления и развития источниковедческой школы в России. В разделе «Новая концепция гуманитарного знания и формирование научной школы» отражены основные направления формирования международной школы теоретического источниковедения: «Исторический источник: человек и пространство», «Источник и сравнительный метод в гуманитарном знании», «Точное знание в истории: структуралистский аспект», «Феноменология культуры»,

«История науки как динамический процесс», наконец, работа «Идея РГГУ», где предельно четко сформулированы основные концептуальные основы этого университета. Наконец, в разделе «Историческая антропология» представлены работы «Историческая антропология как феномен гуманитарного знания», «Эмпирическая реальность исторического мира», «Проблема структуры в науках о человеке», «Когнитивно-информационная модель в науках о человеке». В целом структура книги, при всей условности группировки тех или иных работ по разделам, выдержана достаточно отчетливо и последовательно. Исключение составляет, возможно, последний раздел «Проблемы исторической географии», который, в отличие от предыдущих, выделен уже не по признаку метода, а скорее по проблемной области исторического знания. Это связано с тем вниманием, который уделял исследователь данной проблематике, а также со стремлением отразить ранний этап творчества Медушевской. В раздел включены ранние труды по этой теме, посвященные картографическим источникам XVII–XIX вв., а также обоснованию методов исторической географии как самостоятельной научной и учебной дисциплины. Комментарии концептуального и библиографического характера, представленные в заключительных статьях, отражают основные направления творчества исследовательницы.

С позиций теории когнитивной истории, ядро которой составляет методология теоретического источниковедения, оказываются возможными реконструкция представлений о пространстве и времени в их взаимосвязи; осуществление междисциплинарного синтеза истории с другими гуманитарными и естественными науками (географией, психологией, антропологией, лингвистикой, компьютерными науками и др.); постановка на твердую эмпирическую основу сравнительных исследований общества с позиций информационного обмена. Последний может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер – передачу фиксированной информации во времени и пространстве, что открывает пути кодирования и раскодирования информации, ее накопления. «Источниковедение, – подчеркивает Медушевская, – изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения,

созданного другим человеком и отражающего его личность» (с. 73).

Разумеется, в завершенном виде эта концепция представлена в последних работах Медушевской, прежде всего в ее книге «Теория когнитивной истории» (М., 2008). Однако важно, что составители рецензируемого издания показали, как шло ее формирование: от осмысления «пространства» (что показывают работы по исторической географии и картографии XVII–XIX вв., написанные в 1950-х – начале 1960-х гг.) через исследования 1960–1970-х гг., отражающие теоретические дискуссии по проблемам источниковедения. Работы этого времени, в частности, по истории источниковедения и его развития в России и мире в целом, не только энциклопедически охватывают предмет, но и раскрывают трудности сохранения методов подлинного научного анализа в условиях предельно идеологизированного общества. Наконец, наиболее существенное внимание публикаторы совершенно справедливо уделили работам последнего периода творчества ученого (с конца 1990-х гг. до 2007 г.)². В них Ольга Михайловна получила возможность говорить без цензурных ограничений предшествующего времени, и они выражают синтез двух предшествующих направлений – конструирования пространства и времени в науках о человеке. Очень важно, что издатели не обошли вниманием ряд работ, где с позиций когнитивно-информационной теории дается критика релятивистских учений об истории, показан выход из тупика постмодернистских концепций, сформирован вывод о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной истории. «Целью, – подчеркивает исследовательница, – является познание людей во времени, человека как тотальной целостности его социальных, психологических, биологических и других свойств, и прежде всего познание человеческой мысли» (с. 201).

О значении когнитивных подходов в исторической науке говорит тот факт, что они не остались уделом исключительно «высокой теории», но были широко востребованы в современной педагогической практике, в частности, создании российской, а вслед за ней и международной школы теоретического источниковедения. Распространение этих идей, как показывает проведенная презентация рецензируемой книги в ИНИОН РАН³, других научных учреждениях, затрагивает не только узкий круг сообщества историков, но и философов, социологов, антропологов,

лингвистов, специалистов по информатике, педагогов, библиографов, архивистов, документоведов.

«В античной легенде, – писала Ольга Михайловна, – Диоген, взяв в руку светильник, отправляется в путь, чтобы найти человека. Источниковедческая парадигма дает свой ориентир для достижения общей цели гуманитарного знания: человек – это создатель и творец, а следовательно, это тот, кто сделал для Другого светильник» (с. 372).

И.В. Сабенникова,
доктор исторических наук
(Всероссийский
научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела)

Примечания

¹ Подробнее см.: *Сабенникова И.В.* [Рецензия] // *Российская история.* 2009. № 2. С. 177–179; *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история.* 2010. № 1. С. 131–166.

² Биографическая канва этих этапов отражена в публикации: Мастера современной исторической науки: О.М. Медушевская // *Исторический архив.* 2010. № 4.

³ Презентация в ИНИОН РАН книги О.М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // *Вестник архивиста.* 2010. № 4.

А.П. Корелин. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.

Новая книга известного российского ученого, заведующего Центром истории России в XIX в. Института российской истории РАН А.П. Корелина уже стала событием отечественной историографии. Достаточно сказать, что по итогам конкурса 2010 г., проводимого Научным советом РАН по проблемам российской и мировой экономической истории, этой монографии была присуждена первая премия как лучшему исследованию в этой области. Являясь результатом многолетнего кропотливого труда автора, она тематически продолжает его предыдущую работу, посвященную истории сельскохозяйственного кредита в России (*Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988). В новой книге автор существенно расширил объект исследования, что позволило создать полномасштабную картину эволюции кооперативного движения в России. Кооперация показана и как важный фактор модернизации крестьянского производства, и как средство воспитания предприимчивости и самостоятельности населения.

Для пауперизации сельского населения, кооперация во всем мире являлась неким альтернативным капитализму путем. Книга Корелина заставляет задуматься о моделях аграрного развития дореволюционной России: помимо известной дихотомии фермерского и общинного типов аграрной организации, кооперация представлялась как третий путь развития, позволяющий мелкотоварному хозяйству противостоять давлению частного капитала, сохранив свой традиционный уклад. Недаром в советский период, начиная со знаменитой статьи В.И. Ленина «О кооперации», на нее

возлагались надежды как на магистральный путь построения социализма.

Со свертыванием энпа в СССР сфера кооперативного движения оказалась суженой до уровня потребкооперации, а производственная кооперация сведена до формы колхозов. Всплеск интереса в годы перестройки, связанный с надеждами на кооперацию как универсальное средство реформирования экономики и выразившийся в принятии в 1988 г. закона «О кооперации», привел лишь к появлению новых частных предпринимателей («кооператоров»), реально же, по справедливому наблюдению автора, он развитию кооперации не помог, и в современной России она влечит нищенское существование. «Социалистический» потенциал кооперативного движения в XX в. на практике был реализован в социальных государствах Западной Европы, где сейчас наблюдается расцвет кооперации, особенно кредитной. Поэтому представляется крайне актуальной поставленная автором задача – проследить историю складывания российской кооперации и оценить эффективность дореволюционного опыта, незаслуженно обойденного в отечественной историографии, особенно в советской. При этом Корелин обоснованно говорит о необходимости избежать и некритичного, восторженного подхода последних лет, изображающего имперскую Россию некой землей обетованной.

Основу монографии составляют прежде всего архивные документы, извлеченные из фондов различных министерств и ведомств. Поскольку различные виды кооперативов были подчинены разным ведомствам, автору пришлось провести громадную эвристическую